

ТРАКТОВКА КОНЦЕПЦИИ «МЯГКАЯ СИЛА» В ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И. А. Чувиллов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, Минск, Беларусь, chuvilovIA@bsu.by*

В статье проведен анализ концепции «мягкая сила» в современной зарубежной политической науке и теории международных отношений. Определена трактовка данной концепции Дж. Наем, приведены примеры научного раскрытия «мягкой силы» рядом китайский и российских политологов. Одной из определяющих категорий «мягкой силы» выступает фактор привлекательности, который формирует доверительные и целостные связи между отдельными акторами в международных отношениях. Выявлено, что в современной науке «мягкая сила» рассматривается также через призму ресурсного подхода, где данный концепт предстает как набор гуманитарных подходов, технологий и ресурсов для достижения определенных внешнеполитических целей. Отдельное внимание автор уделяет китайскому подходу к определению «мягкой силы», приводит в качестве объективного примера исследования Ван Хунина. Определено, что «мягкая сила» проявляется в китайской инициативе «Один пояс, один путь» и концепции сообщества единой судьбы человечества.

Ключевые слова: «мягкая сила»; политическая теория; внешнеполитическая стратегия; Китай.

INTERPRETATION OF «SOFT POWER» CONCEPT IN FOREIGN POLITICAL SCIENCE

I. A. Chuvilov

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, chuvilovIA@bsu.by*

The article analyzes the concept of «soft power» in modern foreign political science and the theory of international relations. The interpretation of this concept by Joseph S. Nye is defined, and examples of the scientific disclosure of «soft power» by a number of Chinese and Russian political scientists are given. One of the defining categories of «soft power» is the attractiveness factor, which forms trusting and integral ties between individual actors in international relations. It has been revealed that in modern science «soft power» is also viewed through the prism of the resource approach, where this concept is a set of humanitarian approaches, technologies, and resources to achieve certain foreign policy goals. The author pays special attention to the Chinese approach to the definition of «soft power», citing Wang Huning's research as an objective example. It has been determined that «soft power» is used in the Chinese Belt and Road initiative and the concept of a community with a shared future for mankind.

Keywords: «soft power»; political theory; foreign policy strategy; China.

«Мягкая сила» является важным механизмом внешнеполитических стратегий многих государств современного мира. Концепт «мягкой силы» был досконально изложен американским политологом, профессором Гарвардского университета Дж. Наем. После опубликования статьи «*Soft power*» в журнале «*Foreign policy*» в 1990 г. Дж. Най постепенно дополнял выдвинутый им концепт «мягкой силы» в последующих научных трудах, среди которых наиболее примечательны «*Soft power: the means to success in world politics*», «*The powers to lead*», «*American and Chinese power after financial crisis*», а также «*Soft power and the public diplomacy revisited*».

Дж. Най рассматривал «мягкую силу» как «способность получать желаемое за счет привлекательности, а не за счет принуждения или выплат», отмечая, что «мягкая сила» возникает благодаря «привлекательности культуры, политических идеалов и политики страны» [1, р. 10]. М. В. Харкевич отдельно исследовал фактор привлекательности в рамках «мягкой силы», который может расширить предметное поле анализа «мягкой силы», предпринятое в исследованиях Дж. Ная: «Создание привлекательного образа зависит также от того, насколько субъект «мягкой силы» похож на ее объект (нам нравится то, что похоже на нас). Кроме того, привлекательность субъекта силы определяется наличием/отсутствием у него следующих характеристик: доброты (*benignity*), компетентности и красоты (харизмы). Добрый актер вызывает симпатию, доверие, уверенность. Компетентность актора показывает, насколько хорошо он умеет что-то делать. В случае наличия высокой компетентности в определенных сферах деятельности актер вызывает уважение, восхищение, желание подражать. Красота и харизма в интерпретации Ная заключается в мере соответствия актора идеалам, ценностям» [2, с. 25]. Таким образом, фактор «мягкой силы» влияет на формирование конкретного позитивного образа актора в политике. При помощи «мягкосиловых» инструментов современные государства транслируют собственные ценности и ориентиры международного развития.

Стоит отметить, что в политической науке предпринимаются попытки определения того, что «мягкая сила» научно концептуализировалась еще до Дж. Ная. Профессор Фань Ин опровергает первенство Дж. Ная в выдвижении концепта «мягкой силы» и считает, что ее постулаты были упомянуты еще в исследованиях Г. Моргенатау и К. Кнорра. Согласно Фань Ин, Г. Моргентату определил 9 элементов национальной мощи государства, среди которых названы национальный характер, национальная мораль, качество дипломатии и государственного управления — элементы, схожие с источниками «мягкой силы» [3, р. 148—149]. Фань Ин доказывает, что К. Кнорр определял власть над мнениями людей не менее существенной для политических целей, чем военная или экономическая мощь [3, р. 149].

Теория «мягкой силы» достаточно успешно исследуется в российской науке. Профессор О. Г. Леонова является автором ряда научных публика-

ций, посвященных «мягкой силе». В своей статье профессор критически осмысливает концепцию Дж. Найа и подвергает сомнению эффективность «мягкой силы» во внешней политике государства в эпоху глобальной неопределенности. О. Г. Леонова обращает внимание на то, что в книге «*Soft Power: The Means to Success in World Politics*» Дж. Най раскрывает механизм действия «мягкой силы», под которым понимается «механизм формирования симпатии и притяжения, желания следовать данному примеру в политике и в стратегии своего развития» [4, с. 104]. В качестве дополнения к теоретическим наработкам Дж. Найа О. Г. Леонова выделяет следующие активы механизма «мягкого» влияния: дружелюбная и привлекательная политика, привлекательная культура, политические ценности и институты, наличие таких ценностей, которым захотят следовать другие страны, наличие привлекательной для других стран культуры и идеологии, наличие таких активов, которые могли бы производить эффект притяжения, таким образом сформулированные национальные интересы своей страны, что они включают привлекательные для других стран цели [4, с. 104].

Учитывая собственные критические замечания к предложенной Дж. Найем концепции «мягкой силы», О. Г. Леонова дает авторское определение данному феномену, основываясь на ресурсном подходе: «"Мягкая сила" — это совокупность гуманитарных ресурсов страны (государства), которые можно реализовать с помощью определенных технологий» [5, с. 88]. Опираясь на ресурсный подход, О. Г. Леонова использует обоснования П. Б. Паршина, который считал, что «в рамках ресурсного понимания «мягкая сила» определяется как притягательная сила, а притягательность задается фактически списком — перечислением факторов, которые создают стране хорошую репутацию и привлекают к ней индивидов» [6, с. 17]. «Мягкая сила» может быть обозначена также как совокупность четких, обозначенных программно и документально, гуманитарных стратегий, ресурсов и технологий, используемых для достижения определенных внешнеполитических целей.

Таким образом, как видно из приведенного анализа, «мягкая сила» и истоки ее выдвижения до сих пор находятся в процессе научного обсуждения. Разные исследователи выдвигают собственные концепции определения «мягкой силы», которые отчасти могут различаться с трактовкой Дж. Найа. В современной политической науке «мягкая сила» рассматривается прежде всего как опорный механизм расширения влияния одного актора в системе международных отношений посредством различных способов, которые не подразумевают силовой, насильственный характер.

В 2007 г. концепция «мягкой силы» была включена в программные документы XVII съезда Коммунистической партии Китая, а тема «мягкой силы» стала рассматриваться в разделе, посвященном развитию культуры, а не внешней политики. «С этих пор официальная трактовка китайской

«мягкой силы» становится культуроцентричной и важным направлением внешнеполитического курса Китая становится продвижение китайских культурных достижений» [7, с. 99].

Фундаментальные основы внешней политики КНР в начале XXI в. были проанализированы одним из наиболее влиятельных политологов страны Ван Хунином. В рамках аналитических трудов Ван Хунина прослеживается эволюционный характер внешней политики Китая, обосновываются ключевые концепты новейшей китайской дипломатии, среди которых концепция «мягкой силы». В 1993 г. Ван Хунин опубликовал определяющую для китайской политологии статью «Культура как национальная сила: мягкая сила», в которой высказал мнение о том, что «мягкая сила» основывается на культуре, что только широко распространенная национальная культура может сделать государство более могущественным в мире [8, с. 96]. И. Е. Денисов в критическом анализе подхода Ван Хунина к осмыслению «мягкой силы» пришел к следующему выводу: «Ван Хунину оказалась близка идея Тоффлера о ведущей роли знаний (а не богатства и насилия) в трансформации глобальной власти. Китайский автор разделяет вывод Тоффлера о том, что в центре глобальной борьбы за власть будет контроль над знанием» [9, с. 45—46].

Заведующий центром исследования «мягкой силы» Шанхайской академии общественных наук Ху Цзянь считает, что марксизм — самый мощный источник культурной «мягкой силы» Китая [10, с. 38]. В данном случае идеология становится способом трансляции влияния КНР. Цзинь Кай исследует процесс возвышения Китая в мировой политике, уделяя внимание «мягкой силе» и доказывая параллели между современной и исторической внешней политикой государства: «В древнем восточноазиатском порядке Китай играл доминирующую роль, поддерживаемую его политическим, экономическим и, что более важно, культурным превосходством — другими словами, своего рода «мягкой силой», если рассматривать ее в современных масштабах» [11, р. 132].

Ю. В. Морозов и Е. И. Сафронова обращают внимание на то, что в китайской политической науке концепт «мягкой силы» выступает как совокупность трех аспектов:

- 1) культурный диалог со странами-партнерами;
- 2) несиловое лидерство (обусловленное экономическими успехами) в развивающемся мире и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»;
- 3) проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами» [12, с. 36]. Эта идея нашла продолжение у авторов исследования «Новый Шелковый путь и его значение для России»: «Мягкосиловой» характер глобальной инициативы КНР «Один пояс, один путь» иллюстрируется ее нацеленностью на использование и экономических факторов, и культурно-цивилизационных рычагов, наработок исторического опыта,

современных политических амбиций, новейших гуманитарных технологий коммуникации и сближения народов [13, с. 107]. В современной внешнеполитической стратегии КНР «мягкая сила» проявляет себя достаточно четко. Наряду с инициативой «Один пояс, один путь» «мягкая сила» является также основой концепции сообщества единой судьбы человечества.

Таким образом, трактовка «мягкой силы» в зарубежной политической науке разнообразна и зависит от национальной школы, в которой происходит оценка эффективности механизмов «мягкой силы». Современные международные отношения характеризуются сложностью оценки и выработки общей концепции анализа. Превалирующие тенденции использования культурных и других гуманитарных стратегий сотрудничества позволяют обоснованно определять «мягкую силу» в качестве действенного механизма формирования глобального сотрудничества.

Библиографические ссылки

1. Nye Jr., J. S. Soft Power: the means to success in world politics / J. S. Nye Jr. — New York : Publ. Affairs ; Oxford : Oxford Publ. Partnership, 2004. — 191 p.
2. Харкевич, М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М. В. Харкевич // Вестн. МГИМО-Ун-та. — 2014. — № 2. — С. 22—29. (<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-22-29>)
3. Ying Fan. Soft power: power of attraction or confusion? / Ying Fan // Place Branding a. Publ. Diplomacy. — 2008. — Vol. 4, N 2. — P. 147—158.
4. Леонова, О. Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения / О. Г. Леонова // Соц.-гуманитар. знания. — 2018. — № 1. — С. 101—114.
5. Леонова, О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке / О. Г. Леонова // Обозреватель. — 2015. — № 2. — С. 80—89.
6. Паршин, П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестн. МГИМО-Ун-та. — 2014. — № 2. — С. 14—21. (<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-14-21>)
7. Ткачёва, Н. В. Национальные медиа как инструменты продвижения мягкой силы Китая / Н. В. Ткачёва // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. — 2019. — № 6. — С. 94—128.
8. Ван Хунин. Цзовэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань шили = Культура как национальная сила: «мягкая сила» / Ван Хунин // Фудань сюэбао (шэхуэй кэсюэбань) = Журн. Фудан. ун-та (сер. соц. наук). — 1993. — № 3. — С. 91—96. (на кит. яз.).
9. Денисов, И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине / И. Е. Денисов // Сравнит. политика. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 42—52.
10. Ху Цзянь. Чжунго вэньхуа жуаньшили пингуцзи цзэнцзинь фанлю цньцзю = Исследование стратегии оценки и продвижения культурной «мягкой силы» Китая / Ху Цзянь. — Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ = Тяньзин. народ. изд-во, 2020. — 295 с. (на кит. яз.).
11. Jin Kai. Rising China in a changing world: power transition and global leadership / Jin Kai. — Singapore : Palgrave Macmillan, 2017. — 192 p.

12. Морозов, Ю. В. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Ю. В. Морозов, Е. И. Сафронова // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — Т. 10, № 32. — С. 35—49.

13. Новый Шелковый путь и его значение для России : [сб. ст.] / Федер. гос. бюджет. учреждение науки, Ин-т Дальнего Востока Рос. акад. наук ; под ред.: В. Е. Петровский (отв. ред.), А. Г. Ларин (сост.), Е. И. Сафронова. — М. : ДеЛи плюс, 2016. — 232 с.